

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2022. № 2 (24)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (24), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0+82.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-152-168>
<https://elibrary.ru/CUWBFM>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Д.В. Григорович: «Кто виноват?»

© 2022, А.Е. Козлов

Институт филологии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации гранта № 21-78-00011 Российского научного фонда.

Аннотация: В научный оборот вводится очерк Д.В. Григоровича (1822–1900) «Кто виноват?», работа над которым велась, вероятно, в последние десять лет жизни писателя, параллельно с такими произведениями как «Пикник», «Отставка и назначение», «Скучный город». Тому, что очерк не публиковался при жизни автора и в собрания сочинений, изданные посмертно, также не вошел, есть очевидное объяснение: текст носит черновой характер, он не отделан и, судя по сохранившимся материалам, не закончен. Другая, не менее веская причина — этическая: очерк отражает рассуждения писателя о национальном вопросе. В отличие от Ф.М. Достоевского, сформулировавшего свою позицию по этому поводу в «Дневнике писателя», М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева, проводивших тенденциозную националистическую линию в периодических изданиях, Д.В. Григорович отказывается от вынесения вердикта, хотя и ставит вопрос, не находящий ответа на страницах его произведения. Очерк публикуется в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации; случайные ошибки исправлены без оговорок. Публикация подготовлена к 200-летию юбилею Григоровича, чье литературное и публицистическое наследие по-прежнему требует комментария и исследовательской рефлексии.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Григорович, идентичность, национальный вопрос, ксенофобия, рефлексия.

Информация об авторе: Алексей Евгеньевич Козлов — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Email: alexeykozlov54@gmail.com

Для цитирования: Д.В. Григорович: «Кто виноват?» / подгот. текста, коммент. А.Е. Козлова // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 152–168. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-152-168>

В центре очерка Д.В. Григоровича «Кто виноват?»¹ — национальный вопрос, что само по себе требует некоторых пояснений.

Большинство современников считало Григоровича бесконфликтным писателем, который, обращаясь даже к болезненным и трагическим страницам российской повседневности — от крепостного права до эксплуатации детского труда, — предпочитал идти на компромиссы [9, 10, 12]. Не менее компромиссной была и его позиция «журнального космополита», позволявшая публиковаться одновременно в столь различных по занимаемой идеологической позиции журналах, как «Отечественные записки», «Современник», «Москвитянин» и «Библиотека для чтения». При этом объектом нападков критики на самого Григоровича становился не только стиль и содержание произведений писателя, но и его национальность, происхождение. На страницах «Литературных воспоминаний» это мнение выражено наиболее отчетливо:

Моя живость, истолкованная недостатком «разумного спокойствия» и легкомыслием, была, по мнению кружка Островского, совершенно, впрочем, естественным явлением со стороны человека, у которого мать француженка. Национальность моей матери была даже печатно приведена Аполл.<оном> Григорьевым при разборе романа «Рыбаки» как доказательство, что в романе этом нет, да и не может быть ничего русского, что я вообще, при всем старании, нахожусь, по крови моей, в невозможности постичь дух русского народа [2, с. 71].

Не ставя целью верифицировать фактичность воспоминаний о «кружке Островского», отметим специфическую позицию петербургского литератора в кругу московских критиков: Григорович суммирует негативные отзывы своих современников, примеряя на себя роль жертвы. Однако французское происхождение было отнюдь не только фактором стигматизации, но и ресурсом для выстраивания авторской идентичности. С большим трепетом говоря о Дюма, Бальзаке и Флобере, Григорович на страницах своей записной книжки отметил:

Выдумали почему-то, что мы, русские, изобрели самовар. Неправда: его выдумали китайцы, и он перешел к нам через Гол-

¹ Хранится: РНБ. Ф. 118: Архив П.В. и З.И. Быковых. № 1217 Без окончания. Б. д. 11 л. Реставрировано в 1978 г.

ландию при Петре I. Что действительно изобретено нами, — это то, что француз легкомыслен!.. Хорошо легкомыслие: индустрию свою распространил по всему миру, литературу также, язык также, вкус также; захотели завоевать землю, — и чуть не достигли цели; все передовые мысли им принадлежат; каждый француз при живости своего темперамента, настолько благоразумен, что умеет всегда сбегать про запас копейку, и т. д. — Нет, кто вполне легкомыслен, — так это по преимуществу мы, русские! И частная жизнь, и общественная деятельность, и личные черты, — все это доказывает. [8, с. 613].

Данное рассуждение отражает специфику двойной идентичности Григоровича, русской и французской². Такая же множественная идентичность отражается и в письмах писателя, утверждавшего, что «с безалаберностью и беспечностью хохла (мой отец — хохол), у меня связывается немецкая аккуратность (мать моя – французская немка)» [1, с. 160]. Все это позволяло Григоровичу чувствовать себя человеком мира и по мере сил противостоять «коренным русакам», выдвигающим фактор своего происхождения на передний план³.

Очерк «Кто виноват?» обнаруживает, однако, иной подход к национальному вопросу: Григорович обращается здесь к анализу бытовой ксенофобии. В экспозиции очерка, опираясь на собственные наблюдения и эмоции (как некогда в «Петербургских шарманщиках» [10]), он пишет об обывательском национализме. Рассуждая о внешних атрибутах нации, разъяря свои детские и юношеские страхи, писатель наиболее тенденциозен: он описывает иррациональные фобии, пытаясь аргументировать свое право не только не принимать других, но и бояться внешности представителей других народов. Эта часть произведения завершается рассуждением о стереотипах, которые свойственны людям в отношении разных наций. Основная сюжетная часть очерка опровергает высказанные ранее предварительные суждения: приехавший в Петербург из Вильно резчик по дереву В*, оказавшийся вместе со своей семьей из-за бюрократических проволочек на улице, показан в произведении как подлинный художник–самоучка, который, не зная истории искусств

² Григорович обращается к ставшему крылатым выражению Д.И. Фонвизина: «Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться» [4, с. 752], повторенному и усложненному Ф.М. Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье» [4, с. 393]. См. об этом: [14].

³ Между тем, Александр Дюма в своих путевых заметках отметил, что Григорович «...говорит по-французски, как настоящий парижанин» [7, с. 87].

и не получив системного образования, смог состояться на ремесленном поприще⁴. Рассказчик восхищается скромностью, трудолюбием и мастерством описанного им резчика. Антагонистом В* выступает Р* — талантливый выпускник ремесленной школы, из-за алкоголизма и нежелания работать оказавшийся без работы и без крова. Две эти истории заставляют вспомнить быль В.Ф. Одоевского «Столяр», в которой писатель обратился к биографии Андре Рубо⁵. При этом очевидно, что у Григоровича В* оказывается гораздо ближе к идеалу Одоевского, нежели Р*, буквально закопавший свой талант в землю. Работая над рукописью, писатель вымарывает важную подробность: по первоначальному замыслу, В* приводит Р* в свою мастерскую из сострадания, тем самым повторяя добродетельный поступок рассказчика, соотносимого с самим Григоровичем.

Этот пример завершается общим рассуждением, во многом перекликающимся с тезисами, высказанными в экспозиции: утверждая, что в торговом и ремесленном деле Санкт-Петербурга все больше и больше иностранцев, автор пишет о том, что такое положение дел нельзя назвать полностью несправедливым. Здесь же Григорович допускает странное искажение фактов истории Российской империи, следуя за идеологами правого толка: он пишет о том, что город Ивановых, Сидоровых и Петровых все больше переходит под влияние финнов, немцев и евреев.

Второй пример в очерке, связанный с трудолюбием чиновника, остзейского немца Карла Густавовича Габербира, по-видимому, служит еще одним аргументом, убеждающим читателя (и самого автора) в неправомерности тенденциозного отношения к представителям других наций. Незавершенность произведения не позволяет сделать однозначный вывод о планировавшемся финале произведения: возможно, рукопись осталась не законченной, как и вопрос, беспокоивший пожилого писателя — не решенным.

---

⁴ Для Григоровича тема «случайного таланта», дара самоучки очень важна [10]. Писатель обращается к ней в своей повести «Неудачи» («Неудавшаяся жизнь») и романе «Проселочные дороги». В этом «романе без интриги» одна из сюжетных линий связана с историей мастера Калины, которому стать серьезным художником мешает в том числе пристрастие к алкоголю.

⁵ Быль Одоевского завершается следующими словами: «Всё это не выдумка. Андрей, действительно, существовал; он известен во Франции под именем славного архитектора Андрея Рубо. Он написал много сочинений об архитектуре, о плотничном и столярном ремеслах, сам печатал свои сочинения, рисовал к ним рисунки и планы, сам гравировал и, таким образом, в одном своём лице соединил качества отличного ремесленника, писателя, живописца и гравёра. Многие здания построены во Франции Андреем Рубо. Он всегда был завален работою и провёл жизнь свою в богатстве, почитаемый своими согражданами. Когда будете учиться архитектуре, вы ещё лучше познакомитесь с нашим Андреем» [11, с. 47].

Итак, черновые записи, не предназначавшиеся для печати, с одной стороны, демонстрируют конфликтную сторону жизни Григоровича: рефлекслируемые, но до конца не преодоленные в течение жизни антисемитизм и ксенофобию. Наиболее очевидным в этом ракурсе становится обращение Григоровича к «Дневнику писателя» и Пушкинской речи Достоевского, однако тезисы, выдвинутые Григоровичем, значительно отличаются по форме и содержанию. Автор «Кто виноват?» избегает каких-либо категорических оценок (в том числе эпитетов в превосходной степени или модных упоминаний некоторого «арийского племени» [3, 16]), не использует слов с пейоративным корнем «жид», предпочитая нейтральное «еврей», наконец, признает, чувство ксенофобии постыдным и недостойным. Логика и композиция очерка также свидетельствуют о благородной попытке осмысления и преодоления этого чувства. Тот факт, что произведение не было подготовлено к печати, кажется, также говорит в пользу писателя, так и не разобравшегося в этой этической проблеме. Вероятно, после появления ряда сильных произведений по национальному вопросу (в первую очередь, «Скрипки Ротшильда» (1894) А.П. Чехова, апеллирующей к общечеловеческим ценностям [15]), потребность печатно выразить свою мысль по этому поводу отпала.

Отдельный вопрос составляет время работы над произведением. Описанные события, очевидно, происходят в период правления Александра III. Об этом свидетельствует контекст: действие «Временных правил о евреях», принятых в 1882 г.⁶, упоминание Петра Аполлоновича Грессера, назначенного Санкт-Петербургским обер-полицмейстером в 1882 г., а в 1883 г. ставшего градоначальником. Между описанным в очерке разговором с Грессером и посещением мастерской проходит, по указанию в тексте, девять лет, соответственно произведение было начато не раньше (скорее всего, позже) 1891 г. Заметим, что в это же время Григорович работает над текстом «Литературных воспоминаний», что усиливает автобиографический характер очерка.

Рукопись после смерти Григоровича поступила в архив П.В. Быкова, библиографа и издателя иллюстрированного еженедельника «Нива», однако не вошла в корпус печатаемых текстов, опубликованных в «Литературных приложениях» 1901-го г. В 1978-м г. рукопись была реставрирована.

---

⁶ Иудеи и некрещенные евреи по этому положению принудительно выселялись из городов и мест проживания в черту оседлости [13].

Очерк публикуется впервые с учетом правил современной орфографии и пунктуации. Орфографические ошибки и случайные ошибки исправлены без оговорок. Комментарии даны в постраничных сносках.

Д.В. Григорович. Кто виноват?⁷

Сколько помнится, так называемые «восточные человеки»⁸, различно к какой бы нации они ни принадлежали, часто пробуждали мое любопытство, но никогда не были мне особенно сочувственны. То же самое было по отношению к цыганам и евреям. Последние пугали меня в детстве своими черными быстрыми глазами и трясущимися пейсиками; в юности они меня отталкивали своей нечистоплотностью; в зрелых годах особенно стали мне противны из-за их желания забыть, что в ребяческом возрасте бегали босиком по улицам Вильно и продавали спички — [и оставаясь в душе такими же были их родители]*, теперь же лезут из кожи вон, стараясь казаться джентльменами, одеваются по последней моде, назойливо и нагло втираясь в общество⁹. Их всегда можно встретить по субботам в Михайловском театре в безукоризненных фраках, жилетах, с выпущенными поверх рубашки белых галстуках, тщательно причесанных и надушенных; они являются сюда с тем, чтобы совершенствоваться во французском языке, изучать светские приемы, у актера Вальбелля — и сделать так, чтобы оставшиеся зрители принимали их за светских людей, посещающих светское общество и прямо из театра отправляющихся в великосветскую гостиную¹⁰.

Но ничего не существует без исключения. Исключительность тем легче может применяться огулом ко всей национальности. Так, в старинных детских хрестоматиях встречаются обобщения такого

⁷ Несмотря на очевидную переключку с названием романа А.И. Герцена, связь двух этих произведений (за исключением общего мотива губительного пьянства) случайна. Скорее всего, риторический вопрос в заглавии связан не с беллетристической 1840-х гг., а публицистической Э. Золя, Л.Н. Толстого и В.Г. Короленко 188–1890-х гг.

⁸ Словосочетание неоднократно использовалось в беллетристике и публицистике второй половины XIX в. для совокупного обозначения людей восточноазиатского происхождения. Наиболее прецедентны в этом отношении «Петербургские трущобы» (1866) В. Крестовского, «Господа ташкентцы» (1873) М.Е. Салтыкова-Щедрина, «В водовороте» (1871) А.Ф. Писемского.

⁹ Заметим, что такое описание представителя другой национальности характерно для П. Мериме, чью «Этрусскую вазу» («Le Vase étrusque») Григорович перевел на русский язык. Наиболее яркий образец такого отстраненного этнографизма представляет собой 4-я глава новеллы «Кармен» («Carmen»).

¹⁰ Здесь пересказываются стереотипы, закрепленные в многочисленных антисемитских сочинениях последней трети XIX в. [13].

рода: испанец — горд, француз — легкомыслен, англичанин — предприимчив, русский — великодушен и т. д.¹¹. В каждой нации есть, конечно, свои типические оттенки; но прежде всего каждую составляют люди и, следовательно, всюду встречаются общие человеческие добродетели. То же самое и в еврействе. Между многочисленными примерами, приведу один, более других выдающийся. Один пример, конечно, ничего не доказывает, но и доказывать ничего не должен; приведу только факт сам по себе не лишенный интереса.

Девять лет тому назад, в феврале месяце, пришли мне сказать, что внизу, на лестнице, меня спрашивает какой-то оборванный человек, не совсем ясно объясняющийся по-русски. Сойдя с лестницы, я увидел следующую картину: маленького роста человек, самого жалкого вида, с красными опухшими моргающими глазами, прикрытый оборванным грязным пальто, стоял возле такой же маленькой женщины в буром платке, повязанном вокруг головы, в капоте, из которого по всем швам торчали клочки грязной ваты; между ними закутанные в лохмотья, выглядывали двое детей, мальчик лет шести и девочка лет четырех. Все четверо положительно костенели от холода, к выражению испуга на лицах родителей примешивалось еще столько истинного горя, что прежде чем разбирать, кто они были и к какой нации принадлежали, первой мыслию было прийти им скорее на помощь.

— Мы к вам... Простите, не откажите... — торопливо заговорил оборванец, в котором с первого слова узнал я еврея. — Вчера приехали из Вильно... ничего не знали... Пришла полиция...завтра назад посылают... Что нам делать?! Боже мой, что нам делать!?!..

Под впечатлением того, что должны были испытывать эти люди, которых на другой день отправляли с детьми в такой ужасный холод, может быть, еще голодными, мне пришла счастливая мысль спросить у еврея, есть ли у него какое-нибудь определенное ремесло, занятие?

— Я режу с дерева... я резчик.... Всякие такие орнаментики и фигуры также режу, — проговорил еврей, выделявая комические пояснительные жесты.

Но тут было не до смеху. Я написал тотчас генералу Грессеру¹², прося его дать под мою ответственность еврею В* отметку на две

¹¹ Перечисленные здесь характеристики в действительности не приводились в хрестоматиях. О несогласии Григоровича с характеристикой французов см. в сопроводительной статье.

¹² Петр Аполлонович Грессер стал Санкт-петербургским обер-полицмейстером в 1882 г., а в 1883 г. — градоначальником. В.П. Мещерский писал о том, что своим назначениям Грессер обязан А.М. Дондукову-Корсакову.

недели¹³. Генерал Грессер был тогда недавно назначен и с любезностью, свойственной всем недавно определенным начальникам, исполнил мою просьбу час спустя после моего письма.

Отсрочка давала еврею возможность прожить в Петербурге две недели. Но чем и где прожить? — подумал я невольно. Его вид, вид его жены и детей был достаточно жалок, что мне хотелось помочь им чем-нибудь существенным.

В числе моих художественных вещей находилась резная деревянная рамка; я показал ее еврею и спросил: может ли он сделать с нее копию? Лицо его вдруг оживилось. Быстро осмотрев рамку, он проговорил: «О, это я могу сделать! Инструмент со мною... Дерево я найду...»

Не знаю почему, мне ни <на> секунду не приходили сомнения в том, что он во зло употребит мое доверие, поспешит продать раму, положит деньги в карман, — и был таков. Я дал ему несколько рублей в виде задатка и простился с ними.

Неделю спустя он снова явился, но на этот раз один и с двумя рамками; копия оказалась верхом совершенства; к точности, с какой она была исполнена, присоединялось очевидное мастерство опытной руки; прихотливый изгиб листьев, их изнанка и жилки в связи с орнаментом, крайне капризным и неправильным... (рамка была во вкусе рококо) делала предмет этого стиля едва ли не самым трудным для подражания. В копии, между тем, все эти трудности были побеждены с замечательною ловкостью; мало того: встречались штрихи резца, как бы дополнявшие <то>, чего недоставало в подлиннике или скрывалось под густой меловой подсложкой, которой <обыкновенно> покрывается резное дерево для позолоты; передо мной была не просто ремесленная механическая копия, — но нечто более оживленное, свободное; видно было, что резцом управляли не только опытность, но вполне сознательное артистическое чувство¹⁴.

Два новых заказа, полученные мной и выполненные с таким же совершенством, убедили меня, что я имею дело с талантливым и вполне добросовестным человеком. Я лично тогда отправился

---

¹³ «Временные правила о евреях» допускали освобождение от общего требования к выселению в черту оседлости специально оговорённых категорий лиц в специально оговоренный срок.

¹⁴ С 1864 г. Григорович был секретарем Общества поощрения художеств, а в 1868 г. он стал почетным членом Академии художеств. Вопросы эстетики в пластических искусствах играли для него значительную роль, что отразилось в серии его искусствоведческих работ.

к градоначальнику и выхлопотал резчику паспорт, позволяющий ему остаться в Петербурге еще на год.

Сколько ни случалось в это время иметь с ним дела, сколько по моей рекомендации ни поручали ему заказов, все не могли нахвалиться его аккуратностью, мастерством его исполнения.

По прошествии трех лет он был уже известен в кругу любителей художественных предметов.

Мимо исполнительности и качества работы к нему чаще потому еще обращались, что <общение> с ним не представляло никаких хлопот, не нужно было долгих объяснений, поправок, не нужно было также выпуклой гипсовой модели; рисунок, даже простой набросок, достаточны были для него, чтобы уловить навовсе предмет, усвоить его форму, степень рельефа и углубленности, мельчайших подробностей. Способности его тем больше обращали на себя внимание, что, быв самоучкой, не учившись ни в какой школе, он умел сохранять в точности своеобразные черты, свойственные каждому стилю. Одному из любителей вырезал он, руководствуясь только рисунком, три большие двери и карниз во вкусе итальянского Возрождения, другому сделал полдюжины стульев во вкусе Людовика XVI, украсил их гирляндами из мелких роз, которые по тонкости и изяществу могли поспорить с любой ювелирной работой и т. д. Чтобы удовлетворить требованиям заказчиков, он принужден был завести небольшую мастерскую и нанять работников. С каждым годом увеличивалось число рабочих, увеличивалась и самая мастерская.

Время от времени он навещал меня, побуждаемый единственно чувством признательности. Оно выражалось у него без всяких льстивых возгласов, лицемерно-натянутых фраз, употребляемых обыкновенно в таких случаях. В нем нельзя уже было узнать того жалкого, голодного и оборванного, едва прикрытого рубищем оборванца, каким явился он мне несколько лет тому назад: одет он был скромно, но вполне прилично. В его лице постоянно сохранялось выражение озабоченности; в его жесте, способе держать себя не было заметно ни тени той дерзкой самоуверенности, свойственной людям его нации, когда им везет, и они начинают чувствовать почву под ногами. Его скромный вид несколько не был притворным, расчетливым. Он чистосердечно признавался, как много мешает ему недостаток образования в его деле, как часто поэтому не доверяет он своей работе, боится допустить ошибку, не угодить заказчику. С каждым годом, между тем, росла его известность, расширялась его деятельность.

Проходя однажды по Б. Мещанской, перекрещенной почему-то в Казанскую¹⁵, я вспомнил, что тут, в одном из домов, находится его мастерская.

Она помещалась во втором этаже; прочитав на двери его имя, я позвонил. Мне отворила смугливая девочка лет двенадцати с черными вьющимися волосами и быстрыми глазами; почти в то же время явился сам В*. Он, по-видимому, непритворно мне обрадовался и провел в соседнюю большую комнату, стены которой были завешаны всевозможными резными образчиками и моделями, на столах, прислоняемых к стенам, лежали в беспорядке свитки чертежей и рисунков, — местами смятых, захватанных пальцами, показывающие, что они были уже в работе. У окна, за швейной машинкой, сидела жена В*, в которой легко было узнать мать девочки, отворившей мне дверь, она, очевидно, хотела сказать что-то, вероятно, приветственное, но смутилась и ограничилась книксеном. «Не угодно ли взглянуть на мастерскую», — проговорил В*, открывая большую дверь.

Мастерскую составляли две большие комнаты, с открытыми настежь дверями. Посреди первой комнаты размещались вертикально деревянные плахты, служившие подпоркой досчатой настилке, заваленной до потолка запасом дерева для просушки; к стене направо прислонялись также образцы дерева различной величины; налево, перед окнами, за столами из досок, на козлах, работало в обеих комнатах от пятнадцати до восемнадцати человек, между ними бросался в глаза мальчик, лет пятнадцати, усердно долбивший резцом орнаментный кронштейн.

— Это мой сын, сказал В*, давая знак мальчику, чтобы он встал и поклонился: хорошо учится, ходит в школу, на экзамене получил хорошую аттестацию...

Хорошее впечатление, сделанное на меня результатом неустанного труда и энергии, было, к сожалению, испорчено следующим обстоятельством.

Из второй комнаты неожиданно вышел один из рабочих и прямо пошел ко мне, бормоча какие-то приветствия. Он был совершенно пьян; несмотря на сильно взбухшие опухшие черты его преждевременно состарившегося лица, оживленного только мутными, точно стеклянными глазами, я узнал в нем, к истинному моему огорчению, резчика Р*. Лет за семь перед тем окончил он курс в рисовальной школе, считался в ней едва ли не лучшим учеником, вышел из нее с медалью за успехи, оставлен был в числе руководителей ремес-

¹⁵ Большая Мещанская неоднократно переименовывалась. В 1873 г. улица была переименована в Казанскую из-за близости к Казанскому собору.

ленного класса и имея ежемесячное содержание, был — как мастер своего дела, — обеспечен еще частными заказами. Год или полтора спустя пришлось однако отказать ему от места: он часто стал пропускать классы и еще чаще являлся в таком виде, что надо было отправлять его домой для отрезвления. Все возможное было сделано, чтобы уговорить его возвратиться на правильный путь, — ничего не помогало. С тех пор до настоящей встречи я потерял его из виду.

Я вышел из мастерской с чувством совершенно противоположным тому, с каким я вошел в нее. [Я не сомневался, что Р*, окончательно спившийся, не мог быть полезным в мастерской В* Вскоре изыскал я, что В* держит его у себя из чувства сострадания]. Униженное положение Р* не выходило у меня из головы. Припоминая, в каком жалком виде встретил я В* девять лет тому назад, припоминая его отчаяние при известии, что в двадцать четыре часа высылают из Петербурга и придется тогда умереть от холоду и голоду вместе с детьми и женой, — переносясь в то же время мысленно к Р* после выпуска его из школы, Р*, свежего, здорового, полного сил, всеми облаканного, с открытой дорогой для дальнейших успехов, и сравнивая теперь положение того и другого, горечь приступала к горлу, и нервы приходили в сильное возбуждение. Будь Р* такой же еврей, как В*, будь он чухонец, немец и т. д., — я, вероятно, отнесся бы равнодушно к такому факту.

Такой взгляд может показаться весьма ограниченным, узким не отвечающим призыву к общечеловеческому чувству, независимо от национальности, но когда еще слияние людей в одну семью¹⁶ — в весьма отдаленном будущем, в настоящее время такое участие, даже пристрастие к своему, ко всему, что связано с родиной — до того всосалось в кровь и приросло к костям, так тесно связано с природой человека, что нельзя от этого освободиться никакими теоретическими ухищрениями. Свой своему поневоле брат, все, что охотно простишь чужестранцу, невольно хватает за сердце, когда касается своего. Р* был коренной русский, при этом еще несомненно даровитейший, и я, срывая на нем сердце, посылал ко всем чертям пресловутую широту природы, в тех случаях, конечно, когда она стремится к свободному разгулу, которого не в силах обуздать рассудок и воля¹⁷.

¹⁶ Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Он между нами жил»: «Когда народы, распри позабыв, В единую семью соединятся». Сходный мотив обнаруживается в Пушкинской речи Ф.М. Достоевского.

¹⁷ Тезис о широте русской природы активно развивал А.А. Григорьев и редакция журнала «Москвитянин». В дальнейшем он становится одним из важнейших для платформы почвенников и славянофилов, прослеживаясь в публицистике «Времени», «Эпохи», «Русского вестника» и «Гражданина» [4]. Знаменательно,

Кто виноват в падении Р*? Кого винить?... Думал я при мысли о том, что Р*, одаренный отличными способностями, имевший на руках все способы выйти в люди, очутился в работниках В*, [который в придачу держит его у себя из сострадания]. Кто виноват в этом? Не естественно ли, что человек с нравственной выдержкой и силой воли, постоянно трезвый и умный, постоянно деятельный — всегда должен взять верх и несомненно в скором времени, сделается хозяином в своем кругу, в своем деле!..

Не проходит дня без того, чтобы не услышать следующей фразы: «Евреи и немцы у нас все взяли!».

Это сущая правда. Но кто же виноват в этом? Кого винить, например, что магазинами в гостином дворе более чем наполовину завладели евреи; что на Невском проспекте, Б. Морской и других главных улицах торгуют преимущественно иностранцы, и притом иностранными товарами, — и, что еще хуже, часто торгуют русскими изделиями под видом иностранных! Кто виноват в том, например, что Фонтанка, Екатерининский канал, пристани Невы, проезды на острова, принадлежавшие с основания Петербурга Сидоровым, Ивановым и Петровым перешли в руки финляндцам, и Финское общество легкого пароходства извлекает из них отличные выгоды под самым носом Сидоровых и Петровых? У нас есть Урал, изобилующий превосходным железом. Производством кос и серпов на несколько миллионов рублей для России, занимается, между тем, небольшой городок Штейер в верхней Австрии.

Есть ли тут какая-нибудь логичность, и кого винить в таком упущении своих интересов?

Такое же прискорбное явление не ограничивается промышленным и коммерческим миром; оно проявляется, к сожалению, в других противоположных сферах.

Представьте себе господина, недавно назначенного начальником в каком бы то ни было управлении; предположите, что господин этот отчасти карьерист, т. е. не столько предан делу, которому призван служить, сколько желанию выгодно заявить себя в глазах высшего начальства. Вообразить подобное лицо совсем не трудно, благодаря его обильному распространению.

что Ф.М. Достоевский в своих романах неоднократно проблематизировал это качество: «Русские люди вообще широкие люди, Авдотья Романовна, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной гениальности» [5, с. 465]; «Еще страшнее кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [6, с. 123].

И вот, утром, в десятом часу, новый начальник, движимый известным уже усердием, отправляется в вверенное ему управление.

В прихожей весь персонал налицо: три сторожа, два курьера и швейцар, на лестнице появляется экзекутор; он почтительно сторонится и отвешивает поклон. Но этим почти и ограничивается встреча. В остальных комнатах, уставленных столами с классическим зеленым сукном, царствует совершенная пустота — если не считать нескольких совсем мелких служащих и писцов, кое-как наклонившихся над бумагой. Так было всегда, так было третьего дня и так сегодня. Пример усердия и раннего прибытия начальника к месту служения, очевидно, произвели весьма слабое действие. Так, конечно, продолжаться не должно и не может.

Начальник входит в помещение первого отделения. Все здесь блистает чистотой и порядком: паркет тщательно вылощен; на сукне, покрывающем стол, не видно пятнышка; по правую руку гряда бумаг, прикрытых томом свода законов; по левую — портрет с бронзовой застежкой; чернильница и перо на своем месте. Нет только самого начальника отделения.

— Господин Зинзевьевица не приходил?.. — спрашивает новый начальник, обращаясь к следовавшему за ним по пятам экзекутору.

— Никак нет-с, — они изволили вчера уехать в Царское село на крестины. Должно быть, опоздали сегодня к поезду.

— Гм... произносит начальник и входит в помещение второго отделения.

— Господин Сидоров также еще не приходил? — спрашивает он.

— Никак нет-с, — отвечает экзекутор, не находя уже, чем оправдать отсутствующего.

Начальнику приходит мысль повторить случай с одним министром, который точно также, не найдя на своих местах начальников отделения, присел к столу одного из них, взял текущее дело и ради назидания, — дописал лично недоконченный доклад. Но он тут же отказался от такого намерения, во-первых, потому что сам когда-то смеялся над таким поступком министра, во-вторых, потому что несмотря на решимость действовать энергично, не нашел в себе смелости вооружить против себя таким резким поступком благороднейших своих коллег.

В третьем отделении новый начальник вполне вознаграждается за неудачи в первых двух.

За столом, пригнув голову к бумаге, сидит человек лет тридцати, — Карл Густавович Габербир, — уроженец одной из прибалтийских губерний. Лицо его не представляет ничего примечательного,

кроме разве геморроидального оттенка, происходящего от чересчур долгого сидения. Белокурые его волосы причесаны безукоризненно — в две щетки; пробор посреди головы настолько тщателен, что на затылке просвечивает кровавый след.

При виде начальника Габербир встает, смиренно поправляет галстук и почтительно кланяется. Из объяснений Габербира начальник узнает, что <конец рукописи>

Литература

1. Вокруг романа «Проселочные дороги»: переписка Д.В. Григоровича и А.А. Краевского 1850–1852 годов // Русская литература. 2022. № 2. С. 146–160. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-152-166
2. Григорович Д.В. Литературные воспоминания / под ред. Г.Г. Елизаветиной. М.: Худож. лит., 1987. 202 с.
3. Гроссман Л.П. Достоевский и правительственные круги 1870-х гг. // Литературное наследство. М.: Наука, 1934. Т. 15. С. 109–114.
4. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 388–451.
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. С. 5–520.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 5–570.
7. Дюма А. Путевые впечатления в России: в 3 т. М.: Ладомир, 1993. Т. 2. 303 с.
8. Из записной книжки Д.В. Григоровича // Литературные приложения к «Ниве». СПб.: [Б. и.], 1901. С. 610–645.
9. Лотман Л.М. Григорович // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Наука, 1955. Т. 7. С. 301–339.
10. Мещеряков В.П. Григорович: писатель и искусствовед. М.: Худож. лит., 1985. 176 с.
11. Одоевский В.Ф. Сказки и рассказы дедушки Ириная. СПб.: А.С. Суворин, 1889. 145 с.
12. Отрадин М.В. Григорович и Кольцов (К проблеме народного характера в русской литературе 40-х годов XIX века) // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1982. № 2. С. 38–45.
13. Панченко А.А. К исследованию «еврейской темы» в истории русской словесности: сюжет о ритуальном убийстве // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 79–113.
14. Соловьев А. Проблема «Россия и Европа» в русских литературных путешествиях (Фонвизин — Карамзин — Достоевский). Тарту: Tartu University Press, 2022. 210 с.
15. Чехов А.П. Повести и рассказы. М.: И.Д. Сытин, 1894. 285 с.
16. Goldstein D.I. Dostoyevski and the Jews. Austin: University of Texas Press, 1981. 303 p.

Research article and Publication of Archival Documents

D.V. Grigorovich: “Who Is to Blame?”

© 2022. Alexey E. Kozlov

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia

Acknowledgements: The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), project no. 21-78-00011.

Abstract: The publication was prepared for the 200th anniversary of Dmitry Grigorovich, who was a contemporary of Turgenev, Tolstoy and Dostoevsky and whose literary and journalistic heritage still requires commentary and research reflection. The article presents an unfinished essay by Dmitry Grigorovich “Who is to blame?” Probably Grigorovich worked on the essay for the last ten years of his life, but the question posed in the essay remained unresolved. Grigorovich turns to the analysis of xenophobia. In the exposition of the essay, relying on his own observations and emotions, he writes about nationalism. Speaking about the external attributes of the nation, explaining his childhood and youthful fears, the writer is the most tendentious: he describes irrational phobias, trying to argue his right not only not to accept others, but also to be afraid of the appearance of representatives of other peoples. This part of the work ends with a discussion about the stereotypes that people have in relation to different nations. The main part of the essay refutes the preliminary judgments made earlier: it is devoted to the history of a Jewish master from Vilna and an executive Baltic official Gaberbir. Unlike Fjodor Dostoevsky, who formulated his position on this matter in the “Diary of a Writer,” Mikhail Katkov and Konstantin Pobedonostsev, who pursued a tendentious nationalist line in periodicals, Dmitry Grigorovich refuses to reach a verdict, although he raises a question that cannot be answered on the pages of his work. Moreover, the issue that bothered the writer was resolved by Anton Chekhov, who managed to translate Russian literature into a universal dimension.

The essay is published in accordance with the rules of modern spelling and punctuation; occasional errors are corrected.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Grigorovich, identity, national question, xenophobia, self-reflection.

Information about the author: Alexey E. Kozlov — PhD in Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva str. 8, 630090 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Email: alexeykozlov54@gmail.com

For citation: “D.V. Grigorovich: ‘Who is to Blame?’,” text prep. and comment. by A.E. Kozlov. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 152–168. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-152-168>

References

1. “Vokrug romana ‘Proselochnye dorogi’: perepiska D.V. Grigorovicha i A.A. Kraevskogo 1850–1852 godov” [“Around the Novel ‘Country Roads’: Correspondence between D.V. Grigorovich and A.A. Kraevsky, 1850–1852”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2022, pp. 146–160. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-152-166 (In Russ.)
2. Grigorovich, D.V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs], ed. by G.G. Elizavetina. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. 202 p. (In Russ.)
3. Grossman, L.P. “Dostoevskii i pravitel’stvennye krugi 1870-kh gg.” [“Dostoevsky and Government Circles in the 1870s.”]. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 15, 1934, pp. 109–114 (In Russ.)
4. Dostoevsky, F.M. “Zimnie zametki o letnikh vpechatleniakh” [“Winter Notes on Summer Impressions”]. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 4. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 388–451. (In Russ.)
5. Dostoevsky, F.M. “Prestuplenie i nakazanie” [“Crime and Punishment”]. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 5. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 5–520. (In Russ.)
6. Dostoevsky, F.M. “Brat’ia Karamazovy” [“The Brothers Karamazov”]. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 9. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 5–570. (In Russ.)
7. Dumas, A. Putevye vpechatleniia v Rossii: v 3 t. [Travel Impressions of Russia: in 3 vols.], vol. 2. Moscow, Lodomir Publ., 1993. 303 p. (In Russ.)
8. “Iz zapisnoi knizhki D.V. Grigorovicha” [“From the Notebook of D.V. Grigorovich”]. *Literaturnye prilozheniia k ‘Nive.’* St. Petersburg, [S. n.], 1901, pp. 610–645. (In Russ.)
9. Lotman, L.M. “Grigorovich” [“Grigorovich”]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: in 10 vols.], vol. 7. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1955, pp. 301–339. (In Russ.)
10. Meshcheriakov, V.P. *Grigorovich: pisatel’ i iskusstved* [Grigorovich as a Writer and Art Critic]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985. 176 p. (In Russ.)
11. Odoevsky, V.F. *Skazki i rasskazy dedushki Irineia* [Tales and Stories of Grandfather Iriney]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1889. 145 p. (In Russ.)
12. Otradin, M.V. “Grigorovich i Kol’tsov (K probleme narodnogo kharaktera v russkoi literatury 40-kh godov XIX veka)” [“Grigorovich and Koltsov (On the Problem of Peasants Character in Russian Literature of the 40s of the 19th Century)”]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Serii istorii, iazyka i literatury*, no. 2, 1982, pp. 38–45. (In Russ.)
13. Panchenko, A.A. “K issledovaniiu ‘evreiskoi temy’ v istorii russkoi slovesnosti: siuzhet o ritual’nom ubiistve” [“On the Study of the ‘Jewish Theme’ in the History of Russian Literature: the Plot of a Ritual Murder”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 104, 2010, pp. 79–113. (In Russ.)

14. Solov'ev, A. *Problema "Rossiia i Evropa" v russkikh literaturnykh puteshestviiakh (Fonvizin — Karamzin — Dostoevskii)* [*The Problem of "Russia and Europe" in Russian Literary Travels (Fonvizin — Karamzin — Dostoevsky)*]. Tartu, Tartu University Press, 2022. 210 p. (In Russ.)
15. Chekhov A.P. *Povesti i rasskazy* [*Stories and Tales*]. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1894. 285 p. (In Russ.)
16. Goldstein, D.I. *Dostoyevski and the Jews*. Austin, University of Texas Press, 1981. 303 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2022
Одобрена после рецензирования: 12.05.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 01.03.2022
Approved after reviewing: 12.05.2022
Date of publication: 25.06.2022